

ФЛАВИЙ ВОПИСК СИРАКУЗЯНИН

ФИРМ, САТУРНИН, ПРОКУЛ И БОНОЗ, ТО ЕСТЬ ЧЕТВЕРКА¹ ТИРАНОВ

Текст приведен по изданию: Властелины Рима, М., Наука, 1992 (Перевод С.П. Кондратьева под редакцией А.И. Доватура, комментарий — А.И. Любжина)

I. (1) Знаю, что большинство писателей обошло молчанием или только кратко коснулось мелких тиранов. Так, Светоний Транквилл — писатель, отличавшийся очень большой точностью и ясностью, умолчал об Антонии и Виндексе, ограничившись попутным упоминанием о них; и Марий Максим² не посвятил отдельных книг Авидию, который был во времена Марка, и Альбину, и Нигру, бывшим при Севере, но включил рассказ о них в чужие жизнеописания. (2) Мы не удивляемся Светонию, отличительным свойством которого была любовь к краткости. Но Марий Максим — человек, превзошедший всех своей многоречивостью и запутавшийся в своих свитках, где история перемешана со сказками — разве он снизошел до заботы о таком роде описания? (3) С другой стороны, Требеллий Поллион проявил такую тщательность, такую заботливость, выпуская жизнеописания хороших и дурных государей, что одну книгу заполнил даже кратким жизнеописанием тридцати тиранов, появившихся при Валериане и Галлиене или во времена государей, бывших их близкими предшественниками или преемниками. (4) Поэтому похвали нас за то, что и мы, несмотря на спешку, проявили немалую заботу о том, чтобы, рассказав об Аврелиане, Таците, Флориане, а также о Пробе, этом великом и необыкновенном государе, не обойти молчанием бывших при Аврелиане Сатурнина, Боноза, Прокула и Фирма, хотя на очереди был рассказ о Каре, Карине и Нумериане.

II. (1) Ты ведь знаешь, мой Басс, какой большой спор был у меня недавно с любителем истории Марком Фонтеем³. Он утверждал, что Фирм⁴, который во времена Аврелиана завладел Египтом, был просто разбойник, а не государь; напротив, я и вместе со мной

Руф Цельз, Цейоний Юлиан и Фабий Соссиан возражали, говоря, что он и носил порфиру, и на чеканившейся им монете звался Августом. Север Архонций показал даже монеты с его изображением и на основании греческих и египетских книг доказал, что в своих эдиктах он назывался *автократор*⁵. (2) В споре с нами Фонтей выставил один только довод: он говорил, что Аврелиан написал в своем эдикте не о том, что он убил тирана, а о том, что он освободил государство от какого-то разбойника, как будто пристойно было столь славному государю называть незначительного человека тираном и как будто великие государи не называли всегда разбойниками тех, кого они убивали за присвоение ими порфиры. (3) И сам я в жизнеописании Аврелиана, еще не собрав всех сведений о Фирме, считал Фирма не порфириноцем, а чем-то вроде разбойника. Я сказал это для того, чтобы никто не подумал, будто я забыл то, о чем сам писал. (4) Чтобы не включать много материала в том, который я обещал сделать очень кратким, прямо перейдем к Фирму.

III. (1) Родиной Фирма была Селевкия, хотя большинство греков называет другой город: они не знают, что в это время было три Фирма, один из которых был префектом Египта⁶, другой — военным начальником африканской границы, а также проконсулом⁷, а третий был тот, о котором мы говорим, друг и союзник Зенобии⁸. Побужденный неистовством египтян, он дошел до Александрии, и его-то уничтожил Аврелиан, доблестям которого, как обычно, сопутствовало счастье. (2) Много рассказывают о его богатствах. Говорят, что он выстроил дом из стеклянных четырехугольников, склеенных между собой горной смолой и другими веществами, и имел столько бумаги, что не раз открыто говорил, что он может прокормить целое войско папирусом и клеем⁹. (3) Он вступил в тесный союз с блеммиями и сарацинами. Он часто посылал торговые корабли в Индию. (4) Говорят, у него было два слоновых клыка до десяти футов каждый, из которых Аврелиан, добавив к ним еще два, решил после обращения к Апеннинским жребиям сделать кресло¹⁰, чтобы на нем восседала золотая, украшенная драгоценными камнями, одетая в подобие претексты статуя Юпитера, которая должна была быть поставлена в храме Солнца; он хотел, чтобы этого Юпитера называли "Советником"¹¹, или "Подающим советы". (5) Эти клыки Карин подарил впоследствии одной женщине, которая, говорят, сделала себе из них ложе. Я не называю ее, так как теперь знают ее все, а потомкам знать ее не к чему. (6) Так этот дар Индии, посвященный Юпитеру всеблагому и величайшему, был превращен негоднейшим государем в средство удовлетворения похоти и плату за нее.

IV. (1) Фирм был огромного роста, имел выпуклые глаза, курчавые волосы; лоб его был покрыт рубцами, лицо было темного цвета, остальное тело белое, но волосатое и шершавое, так что многие называли его циклопом. (2) Он потреблял много мяса; говорят, что в день он съедал целого страуса. Вина он пил немного, воды очень много. Он был очень тверд духом¹², имел очень сильные мускулы, так что мог бы победить Тритана¹³, о котором упоминает Варрон. (3) Он мог спокойно выдержать на своей груди наковальню, по которой ударяли молотом, причем сам он скорее висел, нежели лежал, откинувшись назад, выгнувшись и в изогнутом положении опираясь на руки. У него было соревнование с начальниками в войске Аврелиана, когда они однажды захотели испытать его. (4) Некто по имени Бурбур из подразделения вексиллариев, отъявленный пьяница, вызвал его на состязание, — кто больше выпьет. Фирм выпил целых два ведра

и затем в продолжение всего пира был совершенно трезв. Когда же Бурбур сказал ему: "Почему ты не выпил гуши?" — он ответил: "Глупец, землю не пьют". Но мы занимаемся пустяками, тогда как надо рассказывать о более важном.

V. (1) Итак, он, став против Аврелиана, взял на себя императорскую власть для защиты уцелевших сторонников Зенобии. Но он был побежден Аврелианом, когда последний возвращался из Фракии. (2) Многие говорят, что он окончил свою жизнь, удавившись в петле. Другое показывает в своих эдиктах Аврелиан. Дело в том, что, победив Фирма, он приказал опубликовать в Риме следующий эдикт: (3) "Римскому народу, горячо его любящему, Аврелиан Август шлет привет. Умиротворив повсюду все племена и весь круг земель на всем его протяжении, мы, коротко говоря, обратили в бегство, осадили, подвергли пыткам и убили этого египетского разбойника Фирма, который неистовствовал благодаря волнениям варваров и собирал вокруг себя все то, что оставалось еще после бесстыдной женщины. (4) Теперь, Ромуловы квириты, бояться вам нечего. Поставки из Египта, которые прекратил этот бесчестный разбойник, будут поступать полностью. (5) Да будет у вас согласие с сенатом, дружба с сословием всадников, взаимная приязнь с преторианцами. Я добьюсь того, чтобы у римлян не было никакого основания для беспокойства. (6) Проводите время на играх, проводите время на цирковых представлениях. (7) Мы будем заняты нуждами государства, вы — удовольствиями. Поэтому, безупречные квириты", — и так далее.

VI. (1) Вот то, что я разузнал о Фирме и что тебе следовало знать; это и достойно памяти. (2) Если же ты хочешь узнать то, что сообщил со всеми подробностями Аврелий Фестив, вольноотпущенник Аврелиана, то читай его самого, особенно те места, где он рассказывает, как Фирма, намазавшись крокодиловым жиром, плавал среди крокодилов, управлял слоном, сидел на гиппопотаме, ездил, сидя на огромных страусах¹⁴, и как бы летал по воздуху. (3) Но какая польза знать все это? Ведь Ливий и Саллюстий не рассказывали пустяков о тех людях, чью жизнь они описывали. (4) Мы ведь не знаем, каких мулов имел Клодий и каких мулиц — Тит Анний Милон¹⁵, сидел ли Катилина на этрусском или сардинском коне и какой пурпур был на хламиде Помпея. (5) Поэтому мы кончим о Фирме и перейдем к Сатурнину¹⁶, который, став против Проба, присвоил себе императорскую власть в восточных областях.

VII. (1) Сатурнин был родом галл¹⁷; это племя людей — самое беспокойное, всегда жаждущее либо создавать государей, либо захватывать власть. (2) Ввиду того что он действительно был или, во всяком случае, казался самым крупным среди прочих полководцев, Аврелиан дал ему должность военного начальника восточной границы¹⁸, но предусмотрительно запретил ему когда-либо показываться в Египте¹⁹. (3) Благоразумный государь, как мы видим, принимал в расчет его галльскую природу и опасался, как бы, попав в крайне беспокойный город, он под влиянием людей, которые будут его окружать, не устремился в ту сторону, куда его увлекали его природные склонности. (4) Ведь египтяне, как ты хорошо знаешь, люди ветреные, неистовые, беспокойные, своевольные, крайне легкомысленные, необузданные, жадные до всего нового — вплоть до уличных песенок; они и стихотворцы, и эпиграмматисты, и астрологи, и гаруспики, и врачи. (5) Среди них есть христиане, и самаритяне, и люди,

которые всегда с чрезмерной вольностью поносят нынешние времена. (6) А для того, чтобы какой-нибудь египтянин не разгневался на меня и не считал, что написанное мною представляет собой мое личное мнение, я приведу письмо Адриана, извлеченное из книг его вольноотпущенника Флегонта, где полностью раскрывается вся жизнь египтян²⁰.

VIII. (1) "Адриан Август консулу Сервиану²¹ привет. Тот Египет, который ты мне хвалил, дражайший Сервиан, я нашел весь сплошь легкомысленным, неустойчивым, падким до всяких слухов. (2) Здесь те, кто почитает Сераписа, оказываются христианами, а поклонниками Сераписа оказываются те, кто называет себя епископами Христа. (3) Здесь нет ни одного иудейского архисинагога, ни одного самаритянина, ни одного христианского священника, который не был бы астрологом, гаруспиком, массажистом. (4) Когда в Египет прибывает сам патриарх²², то одни заставляют его поклоняться Серапису, другие — Христу. (5) Это род людей весьма мятежный, весьма пустой и весьма своевольный. Город — изобилующий всем, богатый, промышленный; там никто не живет в праздности. (6) Одни выдувают стекло, другие производят бумагу, словом, все, кажется, занимаются тканьем полотна, или каким-нибудь ремеслом и имеют какую-нибудь профессию. Есть работа и для подагриков, есть работа и для кастратов, есть дело и для слепых, не живут в праздности и страдающие хирагрой. (7) Один бог у них — деньги. Его чтят и христиане, и иудеи, и все племена. О, если бы нравы города были лучше! Благодаря своей промышленности, благодаря своей величине он достоин главенствовать над всем Египтом. (8) Я сделал городу всякие уступки, я восстановил его древние привилегии, добавил новые, так что они благодарили меня, когда я там находился. Но как только я оттуда уехал, они стали говорить много неприятного о моем сыне Вере, а что они говорили про Антиноя, я думаю²³, ты уже знаешь. Я желаю им одного: пусть они питаются своими цыплятами; как они их выводят, об этом стыдно даже рассказывать²⁴. (10) Посылаю тебе переливающиеся разными цветами разноцветные чаши, которые поднес мне жрец храма и которые я предназначил специально для тебя и для моей сестры²⁵. Употребляй их, пожалуйста, в праздничные дни на пирах. Но смотри, чтобы наш Африкан не слишком неумеренно пользовался ими!"

IX. (1) Думая так о египтянах, Аврелиан приказал Сатурнину не показываться в Египте, и эта была мысль, внушенная богами. Ведь как только египтяне увидели, что к ним прибыло высокое должностное лицо, они тотчас же начали кричать: "Сатурнин Август, да хранят тебя боги!". (2) Он, однако, как человек разумный — отрицать этого нельзя — вскоре удалился из Александрии и возвратился в Палестину. (3) Но там, в то время как он стал размышлять о том, что он не может быть в безопасности, продолжая жить частным человеком, стоявшие вокруг него воины облекли его в снятую со статуи Венеры порфиру — это была циклада замужней женщины — и преклонились перед ним. (4) Я не раз слышал, как мой дед говорил, что он присутствовал при том, как преклонялись перед Сатурнином. (5) Сатурнин, по его словам, плакал и говорил: "Государство потеряло, могу сказать это без ложной гордости, нужного ему человека. Ведь это я восстановил порядок в Галлиях, я вернул захваченную маврами Африку, я умиротворил Испанию²⁶. Но какая от всего этого польза? Все это погибло, как только я посягнул на власть".

X. (1) А когда те, кто облек его в порфиру, стали уговаривать его сохранить и жизнь, и власть, он обратился к ним с такими словами: (2) "Вы не знаете, друзья, какое это бедствие — быть императором. Мечи, как щетина, угрожающе висят над головой, со всех сторон копья, со всех сторон дротики. Даже стража внушает страх, даже приближенные внушают ужас. И пища не доставляет удовольствия, и в путь отправляешься не по своему усмотрению, и войны предпринимает не по своему решению, и за оружие берешься не по собственному побуждению. (3) Добавь и то, что любой возраст императора вызывает нарекания: если кто-нибудь стар, его называют непригодным; если он юн, находят, что он охвачен бешенством. Есть ли надобность говорить о том, что Проб любезен всем? Желая, чтобы я стал соперником того, перед кем я добровольно отступаю и чьим полководцем я желаю быть, вы влечете меня к неизбежной смерти. Утешение при этой смерти у меня есть: я не смогу погибнуть один". (4) Марк Сальвидиен утверждает, что Сатурнин действительно произнес эту речь, и он в самом деле был человеком с большим образованием. В Африке он занимался у ритора, в Риме посещал учебные заведения.

XI. (1) Чтобы не затягивать рассказа, следует сказать о том, что имеет ближайшее отношение к Сатурнину: некоторые ошибаются, полагая, что это тот Сатурнин, который захватил императорскую власть во времена Галлиена, тогда как это совсем другой человек, и был он убит почти что против воли Проба. (2) Говорят, Проб не раз посылал ему милостивые письма и обещал ему прощение, но воины, бывшие с Сатурнином, не верили. (3) Наконец, осажденный в каком-то укреплении теми, кого послал Проб, он был зарезан против воли Проба²⁷. (4) Было бы долго излагать, да и не нужно рассказывать всякие пустяки — какого он был роста, какого телосложения, о его красоте, о том, что он пил, что ел. Пусть об этом рассказывают другие, так как никакого полезного примера во всем этом нет. Мы же перейдем к тому, что следует еще рассказать.

XII. (1) Родиной Прокула была страна альбингавнов, живущих в Приморских Альпах. Дома он считался человеком знатным, но предки его занимались разбоем, и сам он составил себе довольно крупное состояние из скота, рабов и других вещей, которые он похитил. (2) Говорят, что в то время, когда он взял на себя императорскую власть, он вооружил две тысячи своих рабов. (3) У него была жена, женщина с мужским характером, которая и толкнула его на это безумное дело; имя ее было Самсо, но это имя было дано ей впоследствии, а раньше она называлась Витуригой. (4) Сына своего Геренниана²⁸ он, по его словам, хотел одарить императорским званием, когда ему исполнится пять лет. (5) Это был человек, чего отрицать нельзя... и очень храбрый, привычный к разбою, так как всю жизнь он провел с оружием в руках. Он командовал многими легионами в качестве трибуна и проявил храбрость. (6) И так как даже мелкие подробности бывают занимательны и доставляют удовольствие при чтении, то не следует умолчать о том, о чем он сам хвастался в одном письме. Лучше дословно привести это письмо, нежели слишком много говорить по поводу него: (7) "Прокул шлет родному Мециану привет. Я взял в плен сто девушек из Сарматии. Из них десять я изнасиловал в одну ночь. Всех их я, в меру своих сил, в течение пятнадцати дней сделал женщинами". (8) Как видишь, он хвастается поступком непристойным и вполне развратным, думая, что его будут считать удальцом, если он закалится среди

непрерывных преступлений.

XIII. (1) Так как и после получения высокого военного звания Прокул, хотя и продолжал вести себя недостойно и оставался развратным, все же проявлял храбрость, то по предложению лугдунцев, которые, по-видимому, терпели большие притеснения от Аврелиана и очень сильно боялись Проба, он был призван к власти чуть ли не в шутку и для забавы, как говорит Онезим²⁹ (впрочем, я знаю, что ни у какого другого писателя я такого сообщения не нашел). (2) На каком-то пиру играли в шахматы, и он десять раз вышел в императоры. Тогда один не лишенный остроумия шутник воскликнул: "Будь здоров, Август!" — и, принеся пурпурную шерсть, покрыл ею плечи Прокула и преклонился перед ним. Отсюда — страх со стороны свидетелей всего этого, а также уже и попытка со стороны Проба привлечь на свою сторону войско и захватить императорскую власть. (3) Все же это избрание принесло некоторую пользу галлам, так как он не без славы и блеска уничтожил аламаннов, которые тогда еще назывались германцами, причем он все время вел войну с ними разбойничьим способом. (4) Однако Проб загнал его на край земли, и, когда Прокул пожелал опереться на помощь франков, от которых, по его словам, происходил его род³⁰, сами франки, которым свойственно, смеясь, нарушать верность, предали его; тогда Проб победил и умертвил его. (5) Потомки Прокула еще и теперь живут среди альбингавнов; они имеют обыкновение говорить в шутку, что им не нравится быть ни государями, ни разбойниками. (6) Вот все достойное упоминания, что я узнал и помню относительно Прокула. Перейдем теперь к Бонозу, о котором я написал гораздо меньше.

XIV. (1) Боноз был из испанской семьи, родился в Британии, а мать его была из Галлии; сам он говорил о себе, что он сын ритора, а по сведениям, полученным мною от других, был сыном учителя грамоты. Еще в раннем детстве он потерял отца; воспитанный матерью, очень мужественной женщиной³¹, он не получил никакого образования. (2) Сначала он проходил военную службу среди младших командиров, а затем в коннице; он был центурионом, исполнял должность трибуна, был военным начальником ретийской границы. Пил он столько, сколько никакой другой человек. (3) Аврелиан часто говорил о нем: "Он родился не для того, чтобы жить, а для того, чтобы пить". Все же он долго относился к Бонозу с уважением за его воинскую доблесть. (4) Если откуда-нибудь приходили послы варварских племен, им устраивали попойку, для того чтобы он мог напоить их допьяна и благодаря вину выведать у них все, что нужно. Сам он, сколько ни пил, всегда оставался спокойным и трезвым, и, по словам Онезима, биографа Проба, становился от вина только умнее. (5) У него была удивительная особенность: сколько он выпивал, столько же выделял мочи, так что у него ни грудь, ни желудок, ни мочевого пузыря не перегружались.

XV. (1) Однажды германцы сожгли римские увеселительные яхты на Рейне. Боясь наказания, Боноз взял на себя императорскую власть и удерживал ее дольше, чем он этого заслуживал. (2) В долгом и жестоком сражении он был побежден Пробом и окончил жизнь, удавившись в петле. Тогда появилась шутка, что висит не человек, а амфора. (3) Боноз оставил двух сыновей; Проб пощадил обоих. Точно так же и жене его все время оказывался почет и до самой ее смерти выдавалось содержание. (4) Говорят,

и мой дед подтверждал это, что она была необыкновенной женщиной и принадлежала к знатной фамилии, но была из племени готов; Аврелиан дал ее в жены Бонозу с той целью, чтобы через него выведывать у готов все, что нужно, так как она была девушкой царского происхождения. (5) Имеется письмо Аврелиана, написанное им легату Фракии по поводу этого брака и тех даров, которые Аврелиан приказал дать Бонозу по случаю этой свадьбы, которое я здесь и вставляю: (6) "Аврелиан Август Галлонию Авиту³² привет. В прошлом письме я писал тебе, чтобы ты поместил знатных готских женщин в Перинфе, назначив им содержание не каждой в отдельности, а с таким расчетом, чтобы все семь имели общий стол. Ведь если каждая получает отдельно, то и каждой достается мало, и государство тратит очень много. (7) Но теперь, ввиду того, что я решил выдать Гунилу за Боноза, ты дашь ему, согласно ниже прилагаемому списку, все, что мы предписываем; свадьбу устроишь на государственный счет". (8) Список вещей был следующий: "Тунки с капюшонами полушелковые, окрашенные в фиолетовый пурпур, одну тунку полушелковую с золотой полосой весом в один фунт, две нижние рубашки с двумя шелковыми полосами, какие подходят для матроны³³. Ему самому ты дашь сто золотых филиппеев, тысячу серебряных антонинианов и миллион медных сестерциев"³⁴. (9) Вот что я, помнится, прочел о Бонозе. Правда, я мог бы обойти молчанием жизнь этих людей, о которых никто и не спрашивал, но, чтобы быть вполне добросовестным, я счел своим долгом сообщить и о них то, что я узнал. (10) Мне остается рассказать о Каре, Карине и Нумериане, так как для рассказа о Диоклетиане и его преемниках требуется более высокий стиль.

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шварц указывает на Квадригу Мессия, грамматическое произведение, посвященное Пробину и Олибрию.
2. Ср. Перт. XV.8.
3. Оба имени вымышлены.
4. Имя этого Фирма больше не встречается в литературной традиции.
5. Все свидетельства и авторитеты от начала до конца вымышлены.
6. Префект Египта с таким именем нигде, кроме Ист. Авг., не засвидетельствован.
7. Сочетание этих должностей невозможно. Существование первой из них больше ничем не подтверждено.
8. Этот Фирм также нигде больше не засвидетельствован.
9. Красс сказал, что богат только тот, кто в состоянии прокормить на свои средства целое войско (*Плутарх*. Красс. 2 и др.).
10. Курульное кресло. Эти намерения Аврелиана вымышлены.
11. Обозначение Iuppiter consul во всей латинской литературе встречается только здесь. Образовано по аналогии с греческим Ζεὺς ὕπατος.
12. Игра слов: firmus "крепкий", "твердый".

13. Ср. *Плиний*. Естественная история. 7.81.
14. На геммах и вазах сохранились изображения людей, скачущих на страусах.
15. Знаменитые враги — Публий Клодий Пульхр и Тит Анний Милон, оба в разное время — народные трибуны. См. *Цицерон*. За Милона.
16. Юлий Сатурнин, наместник Сирии.
17. Зосим (1.66.1) называет его мавром.
18. Такая должность существовала после Диоклетиана.
19. Со времен Августа сенаторы и всадники высшего ранга без разрешения принцепса не имели права появляться в Египте.
20. Письмо вымышлено.
21. Шурин Адриана. Здесь может подразумеваться его третье консульство (134 г.).
22. Титул патриарха по отношению к первосвященнику иудеев употребляется с IV в.
23. Вер — Луций Цейоний Коммод, консул 136 г., тогда же усыновленный Адрианом. Антиной — см. Адр. XIV.5-7.
24. Имеется в виду выведение цыплят в теплом навозе.
25. Паулина (умерла в 130 г.).
26. Это сообщение более ничем не подтверждается.
27. По хронике Иеронима (С. 224 Хельм) он погиб в Апамее. Зосим (1.66.1) сообщает, что его убили собственные солдаты.
28. По Шастаньюлю, автор мог образовать это имя от имени Вериниана (*Аммиан*. 15.5.22) или Веренниана (там же. 18.8.1).
29. Его отождествляли с Оназимом, историком с Кипра или из Спарты, современником Константина, упомянутым Судой. Шастаньюль считает, что имя вымышлено по примеру Онезима, ученика монаха Боноза (*Иероним*. Посл. 3.4 слл.).
30. Этот вымысел, вероятно, был спровоцирован сообщением Аммиана о франкском происхождении Сильвана (15.5.6).

31. Шастаньоль видит в этом параллель к истории детства Блаженного Августина.
32. В эпитоме (34.2) упомянут Галлоний Базилий.
33. Вероятно, *tunicae palliolatae* обозначают *tunicorallium*, который Сервий (К Энеиде. 1.648) описывает как женскую одежду.
34. Ср. Клавд. XIV.3.